

гудъ говора, постепенно замолкал, наконецъ смолкъ. Восторжествовало, наконецъ, не общественное, а церковно-общественное приличіе... которому давно бы восторжествовать пора. А когда пригласитъ всѣхъ нами и нами преклонше колѣна помолитися Господу, и тотъ же дребезжащій голосъ архіерея зачитаетъ послѣднюю молитву,—тогда рѣдкая рука не поднимется до высоты груди сдѣлать крестное знаменіе, рѣдкая грудь не испуститъ вдоха къ небу или хоть въ землю изъ пошурой головы: Господи! что-то будетъ?! И только тогда, только въ этотъ послѣдній моментъ, надъ этою колѣнопреклоненною церковію дѣйствительно пронесется духъ не отложешіа всякаго житейскаго попеченія, вѣтъ, но духъ страха за жизнь, за житейское положеніе, за благоденствіе свое и близкихъ,—быть можетъ, духъ и сокрушенія о грѣхахъ, духъ страха кары Божіей, духъ покаянія и умиленія, духъ вопля къ небу о помилованіи бѣдныхъ грѣшниковъ: „Господи! Отъ нихъ-же первый есмь азъ, пощади и юмилуй“... И пролетитъ моментально ангелъ молитвы надъ воздыхающими колѣнопреклоненными, и соберетъ въ свое кадило молитвы святыхъ и грѣшниковъ сокрушенныхъ, и вознесетъ ихъ въ дымѣ кадильномъ къ престолу Вседержителя...

Сказку, что у насъ въ сѣмъ градѣ, обыкновенно, бываетъ лучше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Но приводилось кое-гдѣ видѣть и хуже, чѣмъ сказано. А общій характеръ, съ отгнанимъ большей или меньшей густоты, ведаѣ одинъ и тотъ же. Ведаѣ остается желать болѣе сосредоточенности, болѣе вниманія къ молитвѣ церкви, болѣе молитвенной теплоты. Рѣшите, вотъ, что изъ насъ въ будущій новый годъ не будетъ въ церкви, не только въ этой, но и ни въ какой на землѣ! А будетъ-ли и въ любесной церкви праведниковъ торжествующихъ? Станемъ-же добрѣ, станемъ со страхомъ, вознемъ святое возношеніе въ мирѣ приносити. Вознемъ въ молитвословіи церкви, вознемъ именно въ предначинательный псаломъ нынѣшняго мѣстебна, и тогда пойдемъ, даже почувствуемъ, о чемъ и какъ подобаетъ намъ молиться на поволѣгіе. Тогда сейчасъ повеетъ въ насъ святымъ духомъ священной древности, духомъ ея священной поэзіи; возношенія ума и сердца древнихъ богодухновенныхъ праведниковъ къ Богу; и самъ Духъ Божій, въищій въ псалмахъ, дохнетъ и въ нашихъ сердцахъ воздыханіями неаглаголаніями, но какъ разъ благотребными намъ въ настоящую священную минуту...

НОВЫЙ ГОДЪ ВЪ СТАРИНУ НА РУСИ.

Съ принятіемъ христіанства отъ Грековъ, въ Россіи было введено и греческое лѣтосчисленіе, по которому церковный годъ начинался съ марта, согласно съ библіеискимъ счисленіемъ, а гражданскій съ сентября,—такъ, какъ начинался онъ у римлянъ во времена Кесарей. Но напѣ первый лѣтосчислѣ, прецѣдбный Нестору, и продолжатели его лѣтосчислѣ ведутъ счисленіе лѣтъ все такъ не съ марта или съ сентября, а отъ Пасхи до Пасхи. Такимъ образомъ у насъ въ самомъ началѣ быда допущена нѣкоторая неопредѣленность въ празднованіи Нового года. Это обстоятельство подало поводъ къ спору о началѣ Нового года. На соборѣ Московскомъ, бывшемъ въ 1348 году, во время княженія Симеона Гордаго, при митрополитѣ Феоносіѣ, опредѣлено: церковный и гражданскій годъ считать съ сентября. Въ 1505 году, по случаю опредѣленія шехаскаго круга, который былъ составленъ у насъ Генна-

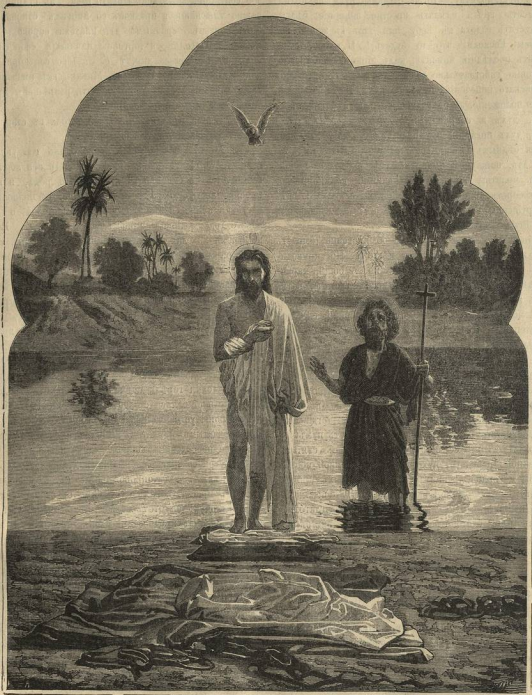
діемъ, архіепископомъ Новгородскимъ, и прѣвѣренъ Филоеемъ, епископомъ Пермскимъ, созванный соборъ вновь утвердилъ начинать Новый годъ съ 1-го сентября. Такимъ образомъ можно думать, что до 1348 года у насъ Новый годъ начинался съ марта, а съ этого года—съ сентября. Поэтому-то 1-е сентября, какъ день Нового года, въ старину было такъ важно для нашихъ предковъ во многихъ отношеніяхъ. День этотъ считался срочнымъ для платежа оброковъ, податей и пошавнъ. Поселяне и торговцы начинали свои счета и расчеты съ Симеонава дня, т. е. съ 1-го сентября; въ этотъ же день ставились на судъ въ Москвѣ всѣ имѣвшіе различныя тяжбына дѣла, кои не могли быть разрѣшены удовлетворительно мѣстнымъ учрежденіями.

Встрѣя и празднованіе Нового года въ старину представляють собою много любопытнаго.

Въ Москвѣ обыкновенно происходило слѣдующее. Съ наступленіемъ Нового года, наканунѣ 1-го сентября, москвичи собирались по семейнѣ къ старшему въ родѣ, и въ тишинѣ, съ скромностью, встречали новое лѣто. Въ полночь съ Кремля вставала пушка извѣщала всѣхъ обывателей о наступленіи новаго года; колоколъ призываетъ къ заутренѣ. Всѣ сбѣжали въ Кремль, желая встрѣтитъ Новый годъ вмѣстѣ съ царемъ и патриархомъ, въ Успенскомъ соборѣ. Съ разсвѣтомъ, по окончаніи заутреня, народъ уже толпился на площади, между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. Здѣсь, поперди площади, прямо противъ Краснаго крыльца, устранивался обширный помостъ. Онъ былъ огороженъ кругомъ вытченными рѣшетками, которыя были расписаны разными красками, а по доскамъ былъ устланъ турецкими и персидскими коврами. Съ восточной стороны на немъ поставлялись три аналоя, въ которыхъ на одномъ ставили образъ Симеона лѣтопророда; предъ натоимъ горѣли свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ; здѣсь же поставался столецъ для освещенія воды. Съ западной стороны устранивался два особыхъ мѣста: одно, обитое червчатымъ бархатомъ и парчю—для государя; другое, покрытое персидскимъ ковромъ—для патриарха. Часу въ десятомъ утра совершалось высшимъ духовенствомъ особое молебное пѣніе „на лѣтопророженіе“ съ водоосвященіемъ, на которомъ присутствовалъ самъ царь съ своею свитою. Патриархъ выходилъ на этотъ молебенъ изъ западныхъ вратъ Успенскаго собора въ преднесеніи иконъ, крестовъ и хоругвей, и въ сопровожденіи духовенства въ богатѣйшихъ облаченіяхъ. Бога такимъ образомъ выходилъ церковный клиръ на площадь, то изъ дворна, съ Благовѣщенской паперти, показывалось шествіе государя. Царскій выходъ возбуждался звономъ на колокольчѣ Ивана Великаго во всѣ колокола съ „реумомъ“. Звонъ продолжался до тѣхъ поръ, пока государь вступалъ на мѣсто. На ступеняхъ ближне стѣпныки поддерживали государя подъ руку. Государь прилаждался къ Евангелію и иконамъ, потомъ принималъ отъ патриарха благословеніе жлвотворящихъ крестомъ и рукою. Патриархъ при этомъ припавъ къ государю „о его царскомъ адровеніи“. Духовная власть тогда становилась по чину—по обѣ стороны мѣстъ государева и патриаршаго; боре же и весь царскій свитакъ по правую сторону государя и за его мѣстои—также по чину. Соборная площадь еще задолго до царскаго выхода вся почти покрывалась служивыми людьми, стоявшими парадно въ разныхъ мѣстахъ по предварительной росписи. Начиналось молебное пѣніе съ водоосвященіемъ. Всѣ съ благоговѣніемъ вымали церковному служенію. По совершеніи службы, патриархъ освящалъ крестомъ государя и „адравствовалъ“ ему данное рѣчю, въ

которой желалъ ему побѣды и одолѣнія на враговъ, возвышенія его надъ всеми вноземными народами, устроения государства и вообще всякаго благоденствія. Государь съ своей стороны благодарилъ патриарха краткою рѣчью и потомъ прикладывался къ евангелію и святымъ иконамъ. Послѣ того, госу-

дари отвѣчалъ также поздравленіемъ. Затѣмъ бояре поздравляли патриарха, властей и весь освященный соборъ: старѣйшій бояринъ говорилъ и имъ рѣчь; духовенство отвѣчало тоже поздравленіемъ и благословеніемъ. Когда означивались эти обряды поздравленія гражданскаго и церковнаго сниклита съ

КРЕЩЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

даря и патриарха поздравляли съ Новымъ годомъ духовныя власти, подходя по два въ рядъ и низко поклоняясь имъ. Государь отвѣчалъ наклоненіемъ головы, а патриархъ благословеніемъ. Потомъ поздравляли государя бояре и всѣ свѣтскіе сановники, кланяясь чуть не до земли, причемъ одинъ изъ старѣйшихъ говорилъ ему поздравительную рѣчь, на которую

новымъ лѣтомъ, государя тогда поздравляла вся площадь, всѣ стрѣлціе полки, присутствовавшіе здѣсь, и все многое множество народа, «весь миръ» — всѣ въ одно мгновеніе ударяли челомъ въ землю и многоглаголювали царскому величеству, восклицая «на многія лѣта, надежда-государь!» Государь отвѣтствовалъ «миру» поклономъ. По свидѣтельству очевидцевъ

это была трогательная картина благоговѣйнаго почтенія къ вѣщесуду. По окончаніи поздравленій государь, приложившись къ кресту и принявъ благословеніе у патриарха, шествовалъ къ свою придворную церковь Благовѣщенія къ обѣдѣ, или къ себѣ въ хоромы; а патриархъ и весь церковный синклитъ—въ Успенскій соборъ также къ обѣдѣ.

Изъ царской казны раздавалась въ этотъ день милостыня нищимъ и немощнымъ. Бояре, со своей стороны, также разсылали по странно-примѣнымъ домамъ милостыню, надѣляли бѣдныхъ одеждою, давали имъ пріютъ, и, такимъ образомъ, новый годъ ознаменовывался благочестивыми дѣлами. И по

утреннее богослуженіе, а затѣмъ и божественная литургія. Въ Успенскомъ соборѣ богослуженіе совершалъ Стефанъ, архіепископъ Рязанскій, съ многочисленнымъ духовенствомъ. Между тѣмъ находившіяся въ Москвѣ войска выступали строемъ со всѣхъ концовъ Москвы и сѣдѣли въ Кремль съ распушенными знаменами, съ музыкою и барабаннымъ боемъ. Самъ царь, разставивъ войска на Ивановской площади, сѣдѣли въ Успенскій соборъ для слушанія божественной литургіи, по окончаніи которой преосвященный Стефанъ произнесъ слово, въ коемъ доказывалъ, что такая перемена необходима. Затѣмъ, со всѣми архіереями и многочисленнымъ духовенствомъ, совер-

Праздникъ Крещенія въ деревнѣ.

всей Россіи, хотя и не съ такою, какъ въ Москвѣ обстановкою, но въ томъ-же духѣ праздновалось новое лѣто 1 сентября. Такъ было до 1700 г. Съ наступленіемъ 18-го столѣтія, прекратилось и празднованіе Нового года по старому.

Въ 1700 году новый годъ былъ празднуемъ уже въ январѣ мѣсяцѣ и нѣсколько иначе, чѣмъ прежде. Еще въ 1699 году 15 и 19 декабря царскимъ указомъ повелѣно было повсюду начинать новый годъ съ 1 января торжественнымъ молебствіемъ, съ колокольнымъ звономъ и пущеною и ружейною пальбою, гдѣ были крѣпости и царскія войска. Въ Москвѣ же совершалась особенная церемонія. Наканунѣ 1 января 1700 года улицы Москвы были устланы ельникомъ, а дома украшены зелеными вѣтвями. Когда наступила полночь, во всѣхъ деревняхъ зазвонили къ заутренѣ; народъ сѣдѣли въ храмы; совершалось

много было благодарственное Господу Богу молебствіе съ колоколеніемъ, возлагано многолѣтіе монарху и всему царскому дому, и вслѣдъ затѣмъ начался колокольный звонъ по всей Москвѣ, сопровождаемый пущенными и ружейными выстрѣлами. Царь принялъ поздравленіе и самъ поздравилъ народъ съ наступленіемъ Нового года. Потомъ начался угощеніе и потѣшныя огни. Народъ долго смотрѣлъ съ любопытствомъ на всю эту повязку, недоумывая, какимъ это образомъ государь могъ остановить теченіе солнца. Недовольные нововведеніемъ долгое время все-таки считали новый годъ по старому обычаю.

